

CLARE
POOLEY

КЛЭР ПУЛИ

Правдивая
ИСТОРИЯ

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
П188

Clare Pooley
THE AUTHENTICITY PROJECT
Copyright © Quilson Ltd., 2020
Endpapers illustrations © Nathan Burton
This edition published by arrangement with Madeleine Milburn
Ltd and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

Перевод с английского Ирины Иванченко

Оформление обложки Виктории Манацковой

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-18524-1

© И. В. Иванченко, перевод, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус», 2020
Издательство Иностранка*

*Моему отцу Питеру Пули,
научившему меня любить слова*

Звони в колокола — те, что еще звонят,
Забудь о приношении напрасном.
Но хочешь этого иль нет,
Сквозь трещинку проникнет свет.

Леонард Коэн

МОНИКА

Она пыталась вернуть тетрадь. Едва обнаружив, что тетрадь забыли, она схватила ее и бросилась за необычным владельцем. Но мужчина уже ушел. Он двигался удивительно быстро для человека столь преклонного возраста. Возможно, он действительно не хотел, чтобы его нашли.

Это была обыкновенная школьная тетрадь в бледно-зеленой обложке, похожая на те, что Моника брала с собой в школу и где прилежно записывала домашние задания. Ее подруги разрисовывали обложки тетрадей сердечками, цветами и именами своих последних увлечений, но Моника не была настолько глупа. Она слишком уважала добротные канцелярские принадлежности.

На обложке тетради красивым каллиграфическим почерком выведены слова:

Истинная история

В нижнем углу более мелкими буквами поставлена дата: «Октябрь 2018». Может быть, подумала Моника, в тетради есть адрес или хотя бы фамилия, и тогда она

сможет вернуть ее. Несмотря на всю непритязательность, тетрадь несла на себе отпечаток какой-то значимости.

Моника открыла тетрадь. На первой странице было лишь несколько абзацев:

Насколько хорошо вы знаете живущих рядом с вами людей? Насколько хорошо они знают вас? Вы хотя бы знаете имена соседей? Вы поймете, если они окажутся в беде или много дней не будут выходить из дому?

Каждый лжет о своей жизни. Что произойдет, если вместо этого говорить правду? Единственное, что отличает вас, что позволяет поставить все на свои места? Не в Интернете, а с живыми людьми вокруг вас?

Возможно, ничего не произойдет. Или может быть, рассказанная история изменит вашу жизнь или жизнь пока незнакомых вам людей.

Именно это я и собираюсь выяснить.

На следующей странице было написано что-то еще, и Монике не терпелось прочитать, но в кафе как раз была запарка, и она знала, что нельзя выбиваться из графика. Хлопотная работа. Она сунула тетрадь на полку рядом с кассой, где лежали меню и флаеры от разных поставщиков. Прочтет позже, когда сможет нормально сосредоточиться.

Моника растянулась на диване у себя в квартире над кафе, держа в одной руке большой бокал «Совиньон блан», а в другой — найденную тетрадку. Моника изводила вопросы, которые она прочла утром, они требовали ответов. Весь день она провела, общаясь с посетителями, подавая им кофе с пирожными, болтая о погоде и обмениваясь последними сплетнями о зна-

менитостях. Но когда она рассказывала кому-нибудь о себе что-то действительно важное? И что она на самом деле знает о них, помимо того что один любит кофе с молоком, а другой — чай с сахаром? Моника открыла тетрадь на второй странице:

Меня зовут Джулиан Джессоп. Мне семьдесят девять лет, и я художник. Последние пятьдесят семь лет я живу в апартаментах «Челси стьюдиос» на Фулхэм-роуд.

Это основные факты, но правда заключается вот в чем: Я ОДИНОК.

Частенько я целыми днями ни с кем не разговариваю. По временам, когда мне все-таки приходится говорить — например, мне позвонили по поводу страхования платежей, — я начинаю издавать какие-то каркающие звуки, ибо голос у меня почти пропал.

Возраст превратил меня в невидимку. Для меня это особенно трудно, потому что прежде на меня всегда смотрели. Все знали, кто я такой. Мне не было нужды представляться. Стою, бывало, в проеме двери, а мое имя шепотом передают по цепочке через всю комнату, и я ловлю на себе взгляды, брошенные украдкой.

Порой я задерживался у зеркал и медленно проходил перед витринами магазинов, разглядывая свой силуэт и волнистые волосы. Теперь, натыкаясь на свое отражение, я едва себя узнаю. По иронии судьбы Мэри, которая безропотно приняла бы неизбежность старения, умерла относительно молодой, в шестьдесят, а я вот все еще здесь — вижу, как постепенно рассыпаюсь на части.

Будучи художником, я наблюдал за людьми. Я анализировал их взаимоотношения, замечая, что всегда

существует равновесие сил. Один партнер более любим, другой — более любящий. Я предпочитал быть любимым. Теперь я понимаю, что воспринимал присутствие Мэри как нечто само собой разумеющееся — с ее неброской миловидностью, розовыми щечками и неизменной заботливостью и надежностью. Я научился ценить ее только после того, как ее не стало.

Моника прервалась, чтобы перевернуть страницу и отхлебнуть вина. Пожалуй, Джулиан ей не очень нравился, хотя и было его жаль. Она догадывалась, что жалости он предпочел бы неприязнь. Моника продолжила читать:

Когда здесь жила Мэри, в нашем небольшом коттедже всегда было полно народу. Повсюду сновали местные ребятишки, и Мэри угощала их историями, советами, а также шипучкой и чипсами «Монстр манч». Мои менее успешные друзья-художники постоянно без приглашения являлись на обед вместе со своими новыми моделями. Мэри искусно разыгрывала из себя гостеприимную хозяйку, и, наверное, только я замечал, что этим женщинам никогда не предлагали к кофе шоколадных конфет.

Мы всегда были чем-то заняты. Наша светская жизнь вращалась вокруг Арт-клуба Челси, бистро и бутиков Кингс-роуд и Слоун-сквер. Мэри много часов проводила на работе — она была акушеркой, а я колесил по стране и писал портреты людей, посчитавших себя достойными быть запечатленными для потомков.

Каждую пятницу вечером, начиная с конца шестидесятых, мы приходили к пяти часам на расположенное поблизости Бромптонское кладбище, бывшее удобным местом встречи для всех наших друзей, поскольку че-

тыре его угла соединяли между собой Фулхэм, Челси, Южный Кенсингтон и Эрлс-Корт. Бывало, мы планировали свои выходные на могиле адмирала Ангуса Уайтуотера. Мы не знали этого Адмирала, просто случилось так, что над местом его последнего упокоения лежала внушительная плита из черного мрамора, являвшая собой превосходный стол для выпивки.

Во многих отношениях я умер вместе с Мэри. Я перестал отвечать на телефонные звонки и письма. Я дал краскам засохнуть на палитре и однажды, одной невыносимо долгой ночью, уничтожил все свои неоконченные полотна — разорвал их на многоцветные узкие ленты, а потом накрошил из них конфетти портновскими ножницами Мэри. Когда примерно пять лет спустя я наконец-то вылез из своего кокона, соседи переехали, друзья от меня отказались, мой агент списал меня со счетов, и тогда я понял, что стал незаметным. Со мной произошла обратная метаморфоза из бабочки в гусеницу.

Каждую пятницу я по-прежнему поднимаю рюмку «Бейлиса», любимого ликера Мэри, на могиле Адмирала, но теперь это только я и призраки прошлого.

Такова моя история. Пожалуйста, не стесняйтесь выбросить ее в мусорное ведро. Или, может быть, вы решитесь рассказать на этих страницах собственную правдивую историю и передать дальше мою тетрадку. Может быть, для вас, как и для меня, это станет катарсисом.

То, что произойдет дальше, зависит от вас.

МОНИКА

Конечно же, она погуглила его в «Википедии». Джулиана Джессопа описывали как художника-портретиста, оказавшегося на пике известности в шестидесятые и семидесятые. Он был учеником Люсьена Фрейда в Школе изобразительного искусства Слейда. Оба они, если верить слухам, на протяжении многих лет обменивались взаимными оскорблениями (и, как следствие, женщинами). У Люсьена было преимущество его великой славы, зато Джулиан был на семнадцать лет моложе. Моника размышляла о Мэри, которая приходила домой, измученная после долгой смены, когда она принимала роды, и не знала даже, куда подевался ее муж. Монике она казалась немного «тряпкой». Почему она просто не бросила мужа? Моника часто напоминала себе, что есть вещи похуже одиночества.

Один из автопортретов Джулиана некоторое время висел в Национальной портретной галерее, на выставке «Лондонская школа Люсьена Фрейда». Моника кликнула на картинку, чтобы увеличить ее, и вот он — мужчина, которого она видела у себя в кафе вчера утром,

весь разглаженный, словно изюмина, вновь превратившаяся в виноградину. Джулиан Джессоп, лет тридцати от роду, с зачесанными назад белокурыми волосами, выступающими скулами, чуть насмешливым ртом и пронзительными голубыми глазами. Когда он вчера взглянул на Монику, ей показалось, он заглядывает ей прямо в душу. Немного сбивает с толку, когда пытаешься объяснить клиенту преимущества черничного кекса перед «печеньем миллионера».

Моника взглянула на часы: 16:50.

— Бенджи, можешь с полчасика или типа того присмотреть за кафе?

Не дожидаясь его ответного кивка, она накинула на себя куртку. Проходя через зал, Моника оглядела столы и остановилась, чтобы подобрать со стола № 12 остатки шоколадного торта. Как это они проглядели? Выйдя на Фулхэм-роуд, она бросила кусочек голубю.

Она редко поднималась на верхнюю площадку автобуса и гордилась своей приверженностью правилам здорового образа жизни и безопасности, а взбираться по лесенке движущегося транспортного средства казалось ей неоправданным риском. Но в данном случае ей нужен был хороший обзор.

Моника следила, как голубая точка на гугл-карте медленно перемещается по Фулхэм-роуд в сторону «Челси стьюдиос». Автобус остановился у «Фулхэм-Бродвей», потом покатил дальше, к стадиону «Стэмфорд-Бридж». Впереди маячила современная махина здания футбольного клуба «Челси», и там, в ее тени, немислимым образом стиснутый между двумя отдельными входами для своих и приезжих фанатов, располагался аккуратный кварталчик апартаментов и кот-

теджей — за неприметной стеной, мимо которой Моника, вероятно, проходила сотни раз.

В кои-то веки радуясь медленному движению транспорта, Моника попыталась угадать, какой из домов — Джулиана. Один стоял немного на отшибе и выглядел чуть более потрепанным, чем остальные, как и сам Джулиан. Она поспорила бы на свою дневную выручку, а это с учетом ее финансовых возможностей было не так уж мало, что это его дом.

На следующей остановке Моника спрыгнула с подножки автобуса и почти сразу повернула налево, к Бромптонскому кладбищу. День клонился к вечеру, тени удлинялись, и в воздухе чувствовалась осенняя прохлада. Это кладбище было одним из любимых мест Моника — вневременной оазис покоя в большом городе. Ей нравились богато украшенные надгробия — последняя демонстрация превосходства над другими. *Я увижу твою мраморную плиту с причудливым библейским изречением и подниму тебя на крест, как настоящего Иисуса.* Ей нравились каменные ангелы, у многих из которых теперь отсутствовали жизненно важные части тела, а также старомодные имена на викторианских надгробиях: Этель, Милдред, Алан. Когда мальчиков перестали называть именем Алан? Кстати, а называют ли сейчас девочек Мониками? Даже тогда, в 1981-м, ее родители отличались от других тем, что отвергали такие имена, как Эмили, Софи и Оливия. Моника — вымирающее имя. Она представила себе заголовок на киноэкране: «Последняя из Моник».

Торопливо проходя мимо могил павших солдат и русских белоэмигрантов, Моника чувствовала, что

где-то прячутся обитатели дикой природы: серые белки, городские лисы и черные вброны, охраняющие могилы, подобно душам умерших.

Где же Адмирал? Моника свернула налево, высматривая старика с зажатой в руке бутылкой ликера «Бейлис». Она сама не понимала зачем. Ей не хотелось разговаривать с Джулианом, по крайней мере сейчас. Она догадывалась, что, обратившись к нему напрямую, она наверняка смутит его. Не хотелось с самого начала произвести неблагоприятное впечатление.

Моника направилась в северную часть кладбища, на миг задержавшись, как и всегда, у могилы Эммелин Панкхёрст и молчаливо возблагодарив ее. Обогнув пригорок, Моника пошла по пустынной дорожке к выходу с другой стороны, когда заметила справа какое-то движение. Там, на мраморной могильной плите, со стаканом в руке сидел Джулиан, и в этом было нечто кошунственное.

Моника прошла мимо, опустив голову, чтобы не встретиться с ним взглядом. Потом, минут через десять, он ушел, она вернулась назад, чтобы прочитать надпись на надгробии.

АДМИРАЛ АНГУС УАЙТУОТЕР
С ПОНТ-СТРИТ

Скончался 5 июня 1963 г. в возрасте 74 лет.

Уважаемый командир, любимый муж
и отец и верный друг

БЕАТРИС УАЙТУОТЕР

Скончалась 7 августа 1964 г. в возрасте 69 лет

Монику возмутило, что за именем Адмирала следовало несколько хвалебных слов, в то время как его

жена удостоилась лишь даты смерти и пространства для вечности под могильной плитой мужа.

Окутанная тишиной кладбища, Моника немного постояла. Она представила себе группу красивых молодых людей и девушек со стрижками, как у *Битлз*, в мини-юбках и расклешенных брюках, которые спорили и подшучивали друг над другом, и ей вдруг стало одиноко.

ДЖУЛИАН

Джулиан носил свое одиночество и неприкаянность, как тесноватые башмаки. Он к ним привык, во многих отношениях они стали для него удобными, но со временем начали раздражать, вызывая появление мозолей и наростов, от которых было не избавиться.

Было десять часов утра, и Джулиан шел по Фулхэм-роуд. Лет пять после кончины Мэри он частенько вообще не вылезал из постели, и день плавно перетекал в ночь, неделя шла за неделей. Потом Джулиан обнаружил, что определенный режим очень важен, что он расставляет буйки, за которые можно ухватиться, чтобы остаться на плаву. По утрам в одно и то же время он выходил и примерно час прогуливался по окрестным улицам, по пути покупая необходимые продукты. В тот день в его список входили:

- яйца,
- молоко (одна пинта),
- по возможности, «Энджел дилайт» со вкусом карамели.

Надо сказать, Джулиану не всегда удавалось найти этот десерт. К тому же была суббота, и он намеревался купить журнал мод. На этой неделе подошла очередь «Вог». Его любимого журнала.

Иногда, если продавец в газетном киоске бывал не слишком занят, они обсуждали последние новости или погоду. В такие дни Джулиан ощущал себя почти полноправным членом общества со своими знакомыми, знавшими его по имени, и своим мнением, с которым считались. Однажды он даже записался на прием к зубному врачу — просто для того, чтобы с кем-то убить часть дня. Но, проведя все это время с открытым ртом, лишенный возможности поговорить с мистером Пателем, который бог знает что вытворял с ним с помощью набора металлических инструментов и трубки, издававшей жуткие сосущие звуки, Джулиан понял, что эта идея была не слишком умной. Он ушел от врача, но в ушах у него продолжали звенеть назидательные слова о гигиене рта, и он решил как можно дольше не возвращаться туда. Если он потеряет зубы, то так тому и быть. Он уже потерял все остальное.

Джулиан остановился, чтобы заглянуть в окна кафе «У Моники», уже заполненного посетителями. Он ходил по этой улице столько лет, что мог мысленно представить себе различные реинкарнации этого кафе — подобно тому как при косметическом ремонте комнаты снимаются слои старых обоев. В шестидесятые здесь располагался магазин по продаже угрей и пирогов, но потом угри впали в немилость, и открылся магазин пластинок. В восьмидесятые тут был прокат видео, а затем — кондитерская, закрывшаяся несколько лет назад. Угри, виниловые пластинки и видеокассеты — все отправилось на свалку истории. Даже сласти

теперь демонизируются, их обвиняют в том, что дети постоянно толстеют. Наверняка не сласти в этом виноваты, а сами дети или их матери.

Определенно он выбрал правильное место для «Правдивой истории». Джулиану нравилось, что, когда он заказывал чай с молоком, ему не задавали разные замысловатые вопросы по поводу желаемого сорта чайного листа или сорта молока. Чай приносили в приличной фарфоровой чашке, и никто не спрашивал его имени. Джулиан привык подписывать свое имя в нижней части холста. Вряд ли уместно было бы нацарапать свое имя на кружке навынос, как это делают в «Старбаксе». При мысли об этом он поморщился.

Он уселся в мягкое обшарпанное кожаное кресло, стоявшее в дальнем углу кафе Моники, увешанном книжными полками, которые она называла Библиотекой. В мире, где царила электроника и бумага как носитель информации быстро исчезала, Джулиан нашел Библиотеку. В этом месте запах старых книг смешивался с ароматом только что смолотого кофе, вызывая ностальгические чувства.

Интересно, думал Джулиан, что стало с тетрадью, которую он здесь оставил? Он не мог отделаться от ощущения, что сам постепенно исчезает без следа. Однажды, в не столь отдаленном будущем, его голова наконец скроется под водой, оставив едва заметную рябь. Благодаря этой тетради по крайней мере один человек увидит его в истинном свете. Изливать душу было облегчением, словно он ослабил шнурки неудобных башмаков и ногам стало свободней.

Он пошел дальше.

ХАЗАРД

Был поздний вечер понедельника, однако Тимоти Хазард¹ Форд, известный всем как Хазард, не спешил домой. Он по опыту знал, что единственный способ избежать отходняка после выходных — не останавливаться. Он принимался отодвигать начало недели все дальше и дальше назад, а уик-энд двигал вперед, пока они почти не встречались посередине. Ближе к среде ненадолго накатывала интерлюдия ужаса, а потом он начинал сначала.

В тот вечер Хазарду не удалось уговорить ни одного из коллег пройтись по барам Сити, и вместо этого он вернулся в Фулхэм и зашел в местный винный бар. Выискивая знакомых среди редких посетителей, он заметил тонкую как тростинка блондинку, обвившую ногами высокий табурет и склонившуюся над стойкой бара. Она напоминала гибкую гламурную соломинку для коктейля. Хазард был почти уверен, что она ходит на фитнес вместе с девушкой его приятеля

¹ «Хазард» (Hazard) в переводе с английского означает «риск, опасность». — *Здесь и далее примеч. перев.*

Джейка, но понятия не имел, как ее зовут. Однако она была в тот момент единственной, с кем можно выпить, и от этого становилась его лучшим другом.

Хазард подошел к ней с улыбкой, бывшей у него наготове для такого рода случаев. Какое-то шестое чувство заставило ее повернуться к нему, и она улыбнулась в ответ и помахала рукой. Бинго! Каждый раз срабатывало.

Как оказалось, ее звали Бланш. Дурацкое имя, подумал Хазард, можно было и догадаться. Он лениво взгромоздился на табурет рядом с ней, то и дело кивая с улыбкой, пока она знакомила его с друзьями, имена которых поднимались в воздух, как пузырьки, а потом лопались и исчезали без следа. Хазарда не интересовали их имена, а лишь их выносливость и, возможно, нравственность. Чем меньше, тем лучше.

Хазард легко включился в свой обычный регламент. Вынув из кармана пачку банкнот, он начал с помпой угощать присутствующих выпивкой, выполняя заказы от стакана до бутылки и от вина до шампанского. Он озвучил несколько из своих проверенных анекдотов. Затем постарался убедить новую компанию, что у них с ним есть общие знакомые, после чего обрушил на них шквал непристойных сплетен, возможно даже выдуманных.

Как это обычно бывало, компания сгрудилась вокруг Хазарда, но по мере перемещения стрелок больших вокзальных часов на стене за баром толпа постепенно редела. Они говорили: «Пора идти, еще только понедельник», или «Завтра важный день», или «Надо очухаться после выходных, знаешь, каково это». В конечном итоге остались только Хазард и Бланш, а было

всего лишь девять вечера. Хазард почувал, что Бланш собирается уйти, и запаниковал:

— Эй, Бланш, еще рано. Почему бы тебе не заглянуть ко мне? — Он положил руку ей на плечо жестом, предполагавшим все остальное, но ничего не обещавшим.

— Конечно. Почему бы и нет? — откликнулась она, как он и ожидал.

Вращающаяся дверь бара вытолкнула их на улицу. Хазард обхватил Бланш рукой, и они перешли проезжую часть и двинулись по тротуару, не обращая внимания на то, что занимают всю его ширину.

Он заметил стоявшую на пути, наподобие дорожного заграждения, миниатюрную брюнетку, когда было уже слишком поздно. Он налетел на нее, не сразу разглядев у нее в руке бокал красного вина, которое теперь довольно комично стекало по ее лицу и, что более важно, разливалось кинжальной раной по его рубашке, купленной на Сэвил-роу.

— Ох, твою мать! — сердито глядя на преступницу, воскликнул он.

— Эй, это ты на меня налетел! — ответила она хриплым от негодования голосом.

На кончике ее носа, как нерешительный парашютист, висела капелька вина, но потом упала.

— Ну и что же ты делала посреди тротуара с бокалом вина? — прорычал он в ответ. — Нельзя, что ли, пить в баре, как все нормальные люди?

— Перестань! Пойдем уже, — сказала Бланш со смешком, действующим ему на нервы.

— Тупая сучка, — повернувшись к Бланш, вполголоса произнес Хазард, но так, чтобы упомянутая тупая сучка услышала.

Бланш снова захихикала.

Когда Хазарда разбудил резкий сигнал будильника, в голове у него возникло сразу несколько мыслей. Первая: «Я спал не более трех часов». Вторая: «Сегодня я чувствую себя даже хуже, чем вчера, и о чем я вообще думал?» И третья: «В моей постели лежит блондинка, с которой я больше не хочу иметь дела и чье имя я не в состоянии вспомнить».

К счастью, Хазард и раньше попадал в подобные ситуации. Он хлопнул по будильнику, а девушка продолжала спать с открытым, как у японской секс-куклы, ртом. Потом он осторожно снял со своей груди ее руку, повисшую, как дохлая рыба, и опустил ее на смятые, пропитанные потом простыни. Похоже, она оставила на его подушке изрядную часть своего лица: красную губную помаду, черную тушь для ресниц и тональный крем цвета слоновой кости, и он удивился, что у нее еще что-то сохранилось. Он выбрался из постели, морщась от боли, ему казалось, что мозг ударяется о череп, как бильярдный шар. Хазард подошел к комоду в углу комнаты, и там, как он и рассчитывал, лежал клочок бумаги с нацарапанными словами: «ЕЕ ЗОВУТ БЛАНШ». Боже, до чего же он умен!

Хазард быстро, стараясь не шуметь, принял душ и оделся, потом нашел чистый лист бумаги и написал записку:

Дорогая Бланш, во сне ты выглядела такой мирной и красивой, что было жалко тебя будить. Спасибо за прошлую ночь. Ты была потрясающей. Когда будешь уходить, не забудь плотно закрыть дверь. Позвони мне.

Была ли она потрясающей? Поскольку он фактически ничего не помнил примерно с десяти часов ве-

чера, когда появился его дилер, — даже раньше, чем обычно случалось по понедельникам, — это вряд ли имело значение. Внизу он приписал номер своего со-тового, но, чтобы им никак нельзя было воспользоваться, аккуратно поменял местами две цифры и оставил записку на подушке рядом с непрошеной гостьей. Он надеялся, что, вернувшись, не найдет даже ее следа.

Хазард дошел до станции метро на автопилоте. И хотя стоял октябрь, на нем были темные очки, защищавшие глаза от тусклого света нового дня. Дойдя до места вечернего столкновения, Хазард остановился. Он был почти уверен, что различил на тротуаре несколько пятнышек кроваво-красного вина, словно напоминание о потасовке. Перед ним всплыла непрошенная картина: на него злобно, с неподдельной ненавистью смотрит хорошенькая вздорная брюнетка. Женщины никогда так на него не смотрели. Хазарду не нравилось, когда его ненавидели.

Потом его вдруг кольнула мысль, содержащая в себе неприятную правду: он себя тоже ненавидит. Вплоть до мельчайшей молекулы, ничтожнейшего атома, самой микроскопической субатомной частицы.

Надо что-то менять. Фактически *всё* менять.

Пули К.

П 88 Правдивая история : роман / Клэр Пули ; пер. с англ. И. Иванченко. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. — 432 с.

ISBN 978-5-389-18524-1

79-летний Джулиан, эксцентричный, одинокий художник, считает, что большинство людей на самом деле не честны друг с другом. А что, если они скажут правду? И поэтому в простой зеленой тетради Джулиан честно рассказывает о себе, а затем оставляет тетрадь в уютном кафе. Моника, невероятно деловая и энергичная хозяйка этого кафе, добавляет свою историю, а потом оставляет тетрадь в винном баре через дорогу, где ее найдет другой человек. Так постепенно тетрадь переходит из рук в руки и объединяет незнакомых людей, при этом кардинально меняя их жизнь, даря им счастье и даже любовь. *Впервые на русском языке!*

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

КЛЭР ПУЛИ
ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ

Ответственный редактор Ольга Рейнгерверц
Редактор Светлана Прохватилова
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Татьяна Бородулина

Подписано в печать 16.09.2020. Формат 84 × 100 1/32.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 21,06. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru
В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru
В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-JJM-27138-01-R